

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 324–330

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 324–330

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-324-330>

Научная статья

УДК 321.015

Разделение властей и конституционная эволюция системы государственного управления в современной России

И. И. Санжаревский[✉], Е. А. Кузнецова

Тамбовский государственный технический университет, Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106

Санжаревский Игорь Иванович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, sanzigor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8786-3631>

Кузнецова Елена Анатольевна, аспирант группы кафедры теории и истории государства и права, kaesa5@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1135-0690>

Аннотация. На основе теории договорного государства рассматривается конституционная эволюция системы государственного управления в современной России. В качестве системообразующих признаков перманентного процесса разделения властей выделяются конституционная, монополярная исключительность полномочий. Монополярная исключительность обеспечивает, с одной стороны, динамическую устойчивость политических систем, с другой, порождает основанную на независимости и самостоятельности ветвей власти уникальную диспропорциональность. Освещаются основные направления развития и признаки разделения властей в рамках существующих теорий. Выработан инструмент анализа опыта институционально-организационного транзита системы государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: разделение властей, общественный договор, конституционализм, политическое целеполагание, пропорциональность, монополярная исключительность, публичная власть

Для цитирования: Санжаревский И. И., Кузнецова Е. А. Разделение властей и конституционная эволюция системы государственного управления в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 324–330. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-324-330>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The separation of powers and constitutional evolution of the system of public administration in modern Russia

I. I. Sanzharevsky[✉], E. A. Kuznetsova

Tambov State Technical University, 106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russia

Igor I. Sanzharevsky, sanzigor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8786-3631>

Elena A. Kuznetsova, kaesa5@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1135-0690>

Abstract. The constitutional evolution of the system of state administration in modern Russia is considered based on the theory of treaty state. The system-forming features of the permanent process of separation of powers are the constitutional and monopoly exclusivity of powers. Monopoly exclusivity ensures, on the one hand, the dynamic stability of political systems, and, on the other, generates a unique disproportion based on the independence and self-sufficiency of the branches of government. The main directions of development and signs of separation of powers within the framework of existing theories are highlighted. A tool for analyzing the experience of institutional and organizational transit of the state and municipal management system is developed.

Keywords: separation of powers, social contract, constitutionalism, political goal-setting, proportionality, monopoly exclusivity, public power

For citation: Sanzharevsky I. I., Kuznetsova E. A. The separation of powers and constitutional evolution of the system of public administration in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 324–330 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-324-330>

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Эволюционные изменения в современной российской политической системе, связанные с принятием поправок в Конституцию Российской

Федерации, на новом качественном уровне актуализировали вопросы модернизации системы государственного и муниципального управления.

Актуальность институционального анализа сформированной поправками политической повестки дня связана, с одной стороны, с существенными изменениями в распределении конституционных полномочий между ветвями власти, которые институционально и организационно переформируют взаимодействие между государственными и муниципальными органами управления в системе публичной власти, с другой стороны, потребностью политологического анализа опыта институционально-организационного транзита системы государственного и муниципального управления современной России и оценки вклада современных политических практик в развитие теории демократии.

Основополагающим элементом теоретической конструкции в теории демократии выступает политико-правовая модель механизма разделения властей, определяющая нормы, правила и процедуры процессов распределения и перераспределения публичных властных полномочий¹. Основы теории разделения властей были оформлены в эпоху Нового времени на основе европейских политических практик, которые выступили своеобразным подведением итогов сложным и противоречивым процессам реформации, династических войн и революций, изменений технологического уклада и социально-экономической структуры, формирующихся национальных государственных сообществ. Томасом Гоббсом, Джоном Локком, Шарлем Луи Монтескье, теоретически обосновывалось, что, с одной стороны, политический процесс разделения властей начинается с общественного договора, тем самым формулируя основополагающий принцип «договорной» теории происхождения демократического государства. С другой стороны, они по-разному видели итоги этого разделения. Например, Т. Гоббс, рассуждая о форме правления в государстве, определил в своем главном произведении «Левиафан», что «власть суверена в государстве должна быть абсолютной. Таким образом, как доводы разума, так и Священное писание ясно свидетельствуют, на мой взгляд, что верховная власть независимо от того, принадлежит ли она одному человеку, как в монархиях, или собранию людей, как в народных и аристократических государствах, так обширна, как только это можно себе представить»².

Другой известный английский мыслитель Джон Локк, размышляя о форме правления, высказывался о том, что «политическая власть – это та власть, которую каждый человек, обладая ею в естественном состоянии, передал в руки общества и тем самым правителям, которых общество поставило над собой с выраженным или молчаливым доверием, что эта власть будет употреблена на благо членов общества и на сохранение их собственности... И, следовательно, эта власть не может быть деспотической и абсолютной, распространяющейся на их жизнь и богатства, которые

насколько возможно, должны сохраняться; напротив, это должна быть власть, которая создавала бы законы и предусматривала бы за их нарушение такие наказания, которые способствовали бы сохранению целого, отсекая такие части, и только такие, которые настолько уже испорчены, что угрожают целому и здоровому, без чего никакая суровость не является законной. И эта власть проистекает лишь из договора и соглашения и из взаимного согласия тех, кто составляет сообщество»³.

Основоположником «договорной» теории происхождения демократического государства принято считать также и французского философа Шарля Луи Монтескье, «который развивал концепцию функциональной роли религии, необходимой для поддержания порядка в обществе и его нравственности». В главном сочинении «О духе законов», рассуждая о форме правления в государстве, пришел к выводу, что «республиканское правление – это то, при котором верховная власть находится в руках или всего народа, или части его; монархическое, – при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица»⁴.

Подводя итог рассуждениям о творчестве ученых-основоположников теории договорного демократического государства, делаем первый вывод: Т. Гоббс – сторонник общественного договора о разделении власти в рамках абсолютной монархии, Дж. Локк – сторонник ограниченной общественным договором (конституционной) монархии, Ш. Л. Монтескье – сторонник республиканской формы правления как правового государства, парламентской демократии. Гоббс и Монтескье в основе общественного договора, наряду с разделением властей, видели также расширение политических, экономических и гражданских прав и свобод. Тем самым они фактически обосновывают возможность функционирования государства в демократическом режиме как в республиканской, так и конституционно-монархической формах правления.

Свой эксклюзивный политико-правовой опыт в «договорную» теорию демократического государства и разделения ветвей власти внесли американские государственные деятели, сыгравшие ключевую роль в основании и становлении американской государственности, – Джон Адамс, Бенджамин Франклин, Александр Гамильтон, Джон Джей, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон и Джордж Вашингтон. Трое из них (Гамильтон, Мэдисон и Джей) являются авторами «Записок Федералиста» – 85 статей в поддержку ратификации Конституции США. Гамильтон, Мэдисон и Джей были уверены, что для дальнейшего процветания необходимо создание государственного органа власти – правительства: «...народ должен передать ему, как только оно

будет учреждено, часть своих естественных прав, с тем чтобы наделить его необходимой властью. Поэтому стоит подумать о том, что больше соответствует интересам американского народа – останется ли он единой нацией, с одним федеральным правительством или разделится на отдельные конфедерации, наделив руководство каждой из них теми же властными функциями, которые предлагается отдать единому национальному правительству»⁵.

Важный аргумент приводят Гамильтон, Мэдисон и Джей в поддержку ратификации Конституции США, рассуждая о том, что «для обеспечения мира чрезвычайно важно, чтобы Америка соблюдала международные нормы...»⁶. В целом систему органов власти они рассматривали следующим образом: «Когда будет сформировано эффективное общенациональное правительство, лучшие люди страны не только согласятся работать в нем, но и будут назначаться на руководящие посты в этом правительстве. Город, округ или какая-то влиятельная группа смогут послать представителей в законодательные собрания штатов, в сенаты или суды, или на какие-то исполнительные должности»⁷. Рассуждая о необходимости поддержки ратификации Конституции США, они исходили из эффективного и справедливого построения органов управления.

Резюмируя вклад политико-правового опыта Соединенных Штатов, мы можем сказать, что американцы начинают придавать новое звучание политике, суть которой сводится к тому, что политика – это не только управление делами государства, не только регулирование общественных отношений, но и целеполагание в управлении делами государства и регулировании общественных отношений. Американцы одними из первых демонстрируют достаточно интересный исторический опыт целеполагания в формировании политической системы, не деля власть, а делегируя полномочия централизованной власти. Результатом проводимой политики стало принятие 4 июля 1776 г. Декларации независимости, за которую единогласно проголосовали тринадцать Соединенных Штатов Америки, создание и принятие Конституции США в 1787–1789 гг. и принятие 10 поправок в 1791 г.⁸

В современной российской науке, несмотря на многочисленные исследования теории демократии и политического механизма разделения властей, политическая наука и правовые доктрины от определения ветви власти воздерживаются. Однако практически все соглашаются с тем, что основанием политического ресурса государственной власти служит конституционная исключительность (монополизм) в праве нормирования, регулирования отношений, управления ими⁹. Правило деления власти между законодательной, исполнительной и судебной ветвями является по своей сути основополагающим правилом

политической пропорциональности. А степень концентрации власти в той или иной из ветвей есть та несбалансированная пропорциональность (диспропорциональность), которая отражает специфику национально-государственного и культурно-исторического состояния нации¹⁰.

Отражением проявления феномена несбалансированной пропорциональности в современном политическом процессе является также наличие в политической системе независимых от трех ветвей власти государственных эмиссионных центров, в руках которых сосредоточено исключительное право денежной эмиссии и организации денежного обращения. Например, исключительность права Центрального банка России на осуществление денежной эмиссии закреплено конституционно¹¹. Всем известно, что никто кроме государства не имеет права печатать деньги, все остальные фальшивомонетчики. Сегодня совершенно очевидно, что политические механизмы государственного управления и регулирования основываются на монополизме применения силы исполнительной властью; нормирования отношений законодательной властью; разрешения конфликтов судебной властью; денежной эмиссии и организации денежного обращения центральным банком¹², назовем эту властную монополию регулятивно-финансовой.

Другим отражением проявления феномена несбалансированной пропорциональности является опыт соединения в реальном политическом процессе разделения властей политико-правовых принципов с «персонификацией» власти, преодоления ее авторитарного характера. Например, с одной стороны, это современные конституционные монархии (Великобритания, Дания, Швеция и т.д.), которые, функционируя в демократическом политическом режиме, демонстрируют всему миру возможность конституционного сочетания признаков и характерных черт авторитаризма и демократии. С другой стороны, республиканский опыт современной Российской Федерации как конституционное сочетание демократии с авторитарным характером президентской власти, политическому режиму которой зарубежными коллегами предъявляются обвинения в авторитарности, в связи с самостоятельными, наделенными в соответствии с Конституцией исключительными монопольными полномочиями главы государства. Да, если сравнивать с конституционными монархиями, которые авторитарны по своей природе, то президентская республика в современной России также авторитарна и персонифицирована. Но главное отличие государственного статуса президента от монарха заключается в том, что передача президентской власти (персонификация) происходит в результате прямых выборов, а не по наследству, как в конституционных монархиях, которые в авторитаризме никто не обвиняет, и

все считают их демократическими режимами. Российское конституционное сочетание авторитарного характера персонификации главы государства и демократии позволяет констатировать наличие в нашей политической системе самостоятельной президентской власти, наделенной исключительными полномочиями.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что самостоятельные роли президентской власти и Центробанка (регулятивно-финансовая власть) с исключительными и монопольными функциями в политическом механизме российской государственности позволяют констатировать об их равноправном месте в современной системе разделения властей наряду с классическими ветвями власти. А мы можем говорить о теоретической модели разделения власти на самостоятельные ветви, в которой основополагающим признаком ветви власти является конституционная, монопольная исключительность (независимость от других органов государственной власти) ее полномочий. Конституционная, монопольная исключительность как диспропорциональность, лежащая в основании системы взаимодействия ветвей государственной власти, выступает тем атрибутом политического механизма «сдержек и противовесов», который обеспечивает динамическую устойчивость политических систем, и, как ни парадоксально, эта самая диспропорциональность порождает уникальную, наполненную конкретным содержанием пропорциональность разделения полномочий между ветвями власти в национальных системах государственного управления.

Ряд политических практик¹³ утверждает, а многие современные исследователи¹⁴ вопросов государственного устройства сходятся во мнении, что в чистом виде классическая модель разделения властей на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную – не соответствует реальности. В действительности ветвей власти больше, на наш взгляд, на основании выделения признака конституционной исключительности (монополизма) целесообразно выделять помимо классической триады еще и президентскую, банковскую (эмиссионно-кредитную) и местную.

С принятием поправок в Конституцию Российской Федерации произошло институциональное и организационное переформатирование системы взаимодействия между государственными и муниципальными органами управления в системе публичной власти.

В организации исполнения полномочий президентской власти институционально увеличен функционал, с одной стороны, связанный с усилением влияния на исполнительную ветвь власти и введением прямого общего руководства Правительством Российской Федерации, а также с созданием нового органа государственной власти – Государственного совета, формируемого

непосредственно Президентом Российской Федерации¹⁵. По сути, Государственный совет выступает вспомогательным органом Президента, который призван объединить публичную власть в лице федеральных, региональных и местных органов власти в единую систему с целью эффективного социально-экономического развития страны в целом, в том числе и на международной арене. Представляется важным акцентировать внимание на том, что деятельность исполнительной ветви власти в соответствии с Федеральным конституционным законом «О Правительстве Российской Федерации» организуется по отраслевому принципу, а Государственный совет – по стратегическому и территориальному, с участием законодательной власти и субъектов Российской Федерации.

С другой стороны, вместе с созданием Госсовета произошло усиление институционального президентского влияния на организацию контрольно-надзорной деятельности в субъектах Федерации. В современной системе государственного управления президент наделяется правом назначения прокуроров субъектов Российской Федерации, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов Федерации¹⁶.

Стоит особо выделить важное нововведение в Конституции – появление такого института, как «публичная власть», который объединяет «органы местного самоуправления и органы государственной власти в единую систему»¹⁷ и позволяет сгладить существовавшее ранее конституционное противоречие. Не всегда было возможным разграничить полномочия органов государственной власти и полномочия органов местного самоуправления. «Публичная власть» призвана сконцентрировать совместные усилия органов власти всех уровней «для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»¹⁸.

При этом наиболее важным представляется акцентировать внимание на развитии консультативного механизма взаимосвязи организации деятельности Президента и Совета Федерации в системе публичной власти. К таким выводам нас приводит анализ основных задач и функций Государственного совета. Через Государственный совет осуществляется, например, «подготовка предложений Президенту Российской Федерации по важнейшим вопросам государственного строительства, укрепления основ федерализма и местного самоуправления, а также по вопросам, касающимся взаимоотношений Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований»¹⁹.

В данной конституционной политико-правовой модели механизма разделения властей в современной России главной новеллой является возрастание роли Конституционного Суда, который

становится «истиной в последней инстанции» при разрешении споров и разногласий между Федеральным собранием Российской Федерации и Президентом России. Конституционный Суд расширяет полномочия разрешения противоречий, которые могут возникать в случае если Федеральное собрание и президент не пришли к единому мнению по какому-либо вопросу. Введенный конституционный механизм позволяет мирным путем преодолевать возможные политические кризисы. Конституционный Суд Российской Федерации «по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов до их подписания Президентом»²⁰.

На возрастание роли парламентаризма в современной российской политической системе существенное влияние оказывает и расширение полномочий Совета Федерации, связанных с тем, что если ранее Совет назначал на должность только судей Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, то сейчас вправе по представлению Президента Российской Федерации назначать на должность и участвовать в прекращении полномочий председателей, заместителей и судей «Высших судов», а также совместно с президентом решает вопрос о прекращении полномочий «председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов»²¹. В данном случае можно говорить об усилении влияния со стороны законодателей на формирование судебной власти.

Конституционный институционально-организационный транзит становится определенным итогом изменений, произошедших в целеполагании содержания деятельности Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации с начала XX в. Если изначально Совет Федерации формировался из глав и председателей законодательных собраний регионов, содержательно акцентируя в большей степени внимание в работе на сбалансированности процессов федерализации, то в настоящий момент значительно возрастает стратегическая, международная роль Совета. Существенным образом изменяется роль Федерального собрания Российской Федерации.

В первую очередь это касается институциональных полномочий и организации деятельности Совета Федерации. Из всех уровней современного русского языка, от бытового до научного, определение «член Совета Федерации» трансформируется в термин «сенатор»²², который отражает основные характеристики современного тренда в позиционировании и продвижении интересов Российского государства в сложных процессах современной глобализации.

Кроме двух представителей от каждого субъекта Российской Федерации, формируется квота для сенаторов, которые могут быть назначены из числа граждан, имеющих выдающиеся заслуги перед страной в сфере государственной и общественной деятельности, также введен институт пожизненного сенаторства для лиц, замещавших должность Президента Российской Федерации²³.

Другим важным нововведением в функционировании Федерального собрания является, с одной стороны, усиление полномочий Совета Федерации, которые имеют непосредственное отношение к исполнительной власти, это консультирование по кандидатурам руководителей «силовых» министерств, предложенным Президентом, «(включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности»²⁴.

С другой стороны, участие законодательного органа власти в формировании исполнительных органов не ограничивается только полномочиями Совета Федерации. Государственная Дума получает право на «утверждение по представлению Президента Российской Федерации кандидатуры Председателя Правительства Российской Федерации»²⁵. Это полномочие не новое, но получило новое звучание, так как ранее Государственная Дума давала согласие на назначение председателя Правительства. Полномочия Государственной Думы дополнены в части «утверждения по представлению Председателя Правительства РФ кандидатур его заместителей и федеральных министров, за исключением министров»²⁶, которые назначаются по предложению Президента после проведенных консультаций с Советом Федерации.

Еще одним значимым нововведением в полномочиях Государственной Думы является «заслушивание ежегодных отчетов Центрального Банка Российской Федерации»²⁷. Контрольные функции Государственной Думы становятся более весомыми по отношению к властной монополии регулятивно-финансовой деятельности Центробанка.

Рассуждая о том, как в данном случае работает механизм «сдержек и противовесов», напрашивается вывод не только об увеличении функционала и значения консультационных механизмов между законодательной и президентской властями на фоне возрастания роли судебной власти при разрешении споров и разногласий между Федеральным собранием Российской Федерации и Президентом России, но и о возрастании роли парламентаризма в современных политических процессах.

Подводя итог осуществленному институциональному анализу политического транзита

современной российской государственности, сделаем основные выводы, которые условно можно разделить на теоретические, практические и формулирующие «проблемное» поле для дальнейшей исследовательской работы.

Теоретическим базисом анализа конституционной эволюции системы государственного управления в современной России выступает политико-правовая модель механизма разделения властей, основанная на конституционной исключительности (монополизме) и независимости в качестве системообразующего признака ветви власти. Конституционная, монопольная исключительность в основании системы взаимодействия ветвей государственной власти представляет собой ту диспропорциональность, которая выступает атрибутом политического механизма «сдержек и противовесов», обеспечивающего не только динамическую устойчивость, но и политическое своеобразие национальных систем государственного управления.

Политический транзит конституционной политико-правовой модели механизма разделения властей в современной России демонстрирует, с одной стороны, устойчивость основ конституционного строя и незыблемость прав и свобод человека, а также процедуры внесения конституционных поправок и пересмотра Конституции. С другой стороны, мы фиксируем изменчивость политического механизма «сдержек и противовесов», основанного на перераспределении полномочий при взаимодействии органов государственного и муниципального управления в системе публичной власти в соответствии с теорией договорного государства.

В конституционной политико-правовой модели механизма разделения властей в современной России в деятельности президентской власти как конституционного гаранта наряду со стратегическим функционалом целеполагания произошло возрастание как исполнительных полномочий, так и существенное изменение консультативного механизма взаимосвязи организации деятельности Президента и Совета Федерации в системе публичной власти.

Конституционный институционально-организационный транзит, существенно изменивший содержание деятельности обеих палат Федерального собрания Российской Федерации, сформировал тенденцию усиления роли парламентаризма в российской политической системе, с одной стороны. С другой, в конституционной политико-правовой модели механизма разделения властей в современной России главной новеллой становится возрастание роли Конституционного Суда, который выступает «истиной в последней инстанции» при разрешении споров и разногласий между Федеральным собранием РФ и Президентом России.

«Проблемное» поле для дальнейшей исследовательской работы фокусируется вокруг ответов на вопросы, которые остались за рамками данной статьи:

– во-первых, это изучение и анализ российского политического процесса разделения власти между государственными органами власти и местным самоуправлением в единой системе публичной власти, с одной стороны, как одного из основополагающих элементов теоретической конструкции в теории демократии, с другой, как российской практики реализации конституционной политико-правовой модели механизма разделения властей;

– во-вторых, это критическая оценка вклада российского эксклюзивного политико-правового опыта как в «договорную» теорию демократического государства и разделения ветвей власти, так и практику институционального нормирования правил и процедур процессов распределения и перераспределения публичных властных полномочий.

Примечания

- 1 См.: *Вилков А. А., Кузнецов И. И.* Единая? Неделимая!... Опыт ретроспективного анализа теории разделения властей в России. Саратов : Изд-во Латанова, 2001.
- 2 *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. С. 151 // Гражданское общество в России : научная электронная библиотека. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 01.12.2020).
- 3 *Локк Дж.* Два трактата о правлении. С. 102 // Гражданское общество в России : научная электронная библиотека. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lock_Traktaty_2.pdf (дата обращения: 01.12.2020).
- 4 *Монтескье Ш.* О духе законов. С. 10 // Гражданское общество в России : научная электронная библиотека. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 01.12.2020).
- 5 Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея : пер. с англ. / под общ. ред., с предисл. Н. Н. Яковлева ; коммент. О. Л. Степановой. М. : Изд. группа «Прогресс – Литера», 1994. С. 34.
- 6 Там же. С. 40.
- 7 Там же.
- 8 См.: *Масленников А. А., Липунова Л. В.* Основные проекты Конституции США // Теория и практика современной науки. 2017. № 4 (22). С. 591–594.
- 9 См.: *Санжаревский И. И.* Инверсионно-ресурсная модель власти : демократия как политический режим конвертации ресурсов во власть // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 4 (55). С. 6.
- 10 См.: *Санжаревский И. И.* Политическое управление и пропорциональность института власти // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Социология. Политология. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 77.

- ¹¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 75 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.
- ¹² См.: *Санжаревский И. И.* Инверсионно-ресурсная модель власти : демократия как политический режим конвертации ресурсов во власть С.6.
- ¹³ См.: Конституция Никарагуа 1987 г. // Конституции государств (стран) мира : Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=52&attempt=1> дата обращения: 01.12.2020).
- ¹⁴ См.: *Цибулевская О. И., Милушева Т. В.* Конституционный принцип разделения властей : теория и практика реализации // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18, № 5. С. 59. <https://doi.org/10.22394/1682-2358-2018-5-56-62>
- ¹⁵ О Государственном Совете Российской Федерации : федер. закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ. Ст. 3 // Российская газета. 2020. 11 дек.
- ¹⁶ См.: Конституция Российской Федерации. Ст. 102.
- ¹⁷ Там же. Ст. 132.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ О Государственном Совете Российской Федерации : федер. закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ. Ст. 5.
- ²⁰ Конституция Российской Федерации. Ст. 125.
- ²¹ Там же. Ст. 102.
- ²² Там же. Ст. 98.
- ²³ Там же. Ст. 95.
- ²⁴ Там же. Ст. 102.
- ²⁵ Там же. Ст. 103.
- ²⁶ Там же. Ст. 104.
- ²⁷ Там же. Ст. 103.

Поступила в редакцию 15.05.2021, после рецензирования 20.05.2021, принята к публикации 21.05.2021
Received 15.05.2021, revised 20.05.2021, accepted 21.05.2021